Игорь Джерри Курас

Ирэна Орлова (1942 — 2018)

Долгие беседы — короткие встречи

Первое прочтение состоялось на вечере памяти Ирэны Орловой
в Бостоне 21 июня 2018 года

Диалог в 4-х частях
с Прологом и Эпилогом

Действующие лица:

Поэт-рассказчик
Женский голос

Пролог

Поэт-рассказчик:

Похоронные дома Америки называют панихиду «Праздником жизни». Этот лукавый эвфемизм не лишён мудрости.

Вспоминая человека, его жизнь — провожая его в вечность, мы празднуем эту жизнь. Впрочем, мы празднуем не только жизнь умершего, не только жизнь того, с кем мы прощаемся, но и жизни всех, кто был рядом с ним — всех, кто уже ушёл от нас — или ещё остался с нами.

Я хочу, чтобы это небольшое представление ни в коем случае не было панихидой или же траурным вечером. Ирэна, влюблённая в жизнь, возмутилась бы и ушла бы отсюда, если бы вечер стал траурным и заупокойным. Мы все вместе попробуем отпраздновать жизнь Ирэны Орловой-Ясногородской. Человека удивительного, возможно, легендарного, оказавшего влияние на многих своих выдающихся современников; человека, связанного самой тесной дружбой с людьми, которыми гордится русская и мировая культура.

Часть первая

Гольдберговские вариации

Поэт-рассказчик:

Всё началось с Баха — с его Гольдберговских вариаций.

Бах написал Гольдберговские Вариации по просьбе своего любимого ученика и (по мнению самого Баха) лучшего пианиста Германии, Иоганна Готлиба Гольдберга для того, чтобы последний играл их своему патрону — русскому послу в Саксонии графу Кайзерлингу. Этот граф страдал от бессонницы, и передовая медицина тех времён рекомендовала господину послу слушать музыку, убаюкивающую, усыпляющую его.

Бах выполнил просьбу своего любимца и написал Вариации. Судя по тому, что Кайзерлинг заплатил 100 луидоров, рекомендованное врачами лечение сработало успешно. Уверен, однако, что вся история сановной инсомнии не более чем анекдот, и Вариации не являются колыбельной.

Один из героев Вуди Аллена, паясничая перед понравившейся ему скрипачкой и желая обозначить своё полное незнание классической музыки, шутит, что Гольдберговские вариации — это то, что мистер и миссис Гольдберг делают в своей спальне. Ну что же — можно и так.

Гольдберговские вариации долгое время не считались произведением, подходящим для исполнения в концерте. Музыканты не играли их и не записывали на пластинки. Но с 10-го по 16 июня 1955 года на 30-й улице Манхэттена произошло величайшее событие в истории музыки и в жизни нескольких поколений людей:

в студии Columbia Records Вариации были записаны молодым дебютантом — канадским пианистом Гленом Гульдом.

А в 1957 году Гульд привёз Вариации в Москву и в Ленинград. Об этом событии Иосиф Фейгинберг снял культовый документальный фильм «Glenn Gould: The Russian Journey / Гленн Гульд: путешествие в Россию». В фильме есть эпизод в Ленинградской филармонии: в первом отделении первого выступления Гульда зал почти пуст, но те, кто был в зале, в перерыве обзвонили всех своих знакомых, и люди приехали послушать невероятное исполнение, посмотреть на чудо. И уже во втором отделении зал был переполнен, слушатели стояли в дверях и проходах.

Среди немногочисленных слушателей, оказавшихся в этом зале в первом отделении, была четырнадцатилетняя Ирэна Орлова, тогда ещё Рожанская — дочка знаменитого адвоката Абрама Рожанского, защищавшего еврейских подсудимых на страшных послевоенных антисемитских процессах.

Ирэна Орлова
(Рожанская, Ясногородская)

Женский голос:

«После того как я четырнадцатилетней девочкой услышала Гульда на том самом концерте, где на первом отделении было 12 человек, а на втором — «яблоку негде было упасть», вся моя жизнь изменилась».

Поэт-рассказчик:

Именно на этом концерте Ирэна решила связать свою жизнь с музыкой, с преподаванием — и не изменила своему решению, преподавая фортепиано в последующие 60 лет. Именно с этого события началось и моё знакомство с Ирэной, когда, прочитав в «Фейсбуке» её рассказ об этом вечере, я (сумасшедший поклонник Гульда) решился написать ей первое письмо.

Я написал Ирэне — незнакомому мне человеку — и спросил, можно ли ей позвонить. У меня были вполне практические планы: я хотел взять у Ирэны интервью об этом выступлении Гульда в Ленинграде. Хотел сделать интересный материал для журнала «Этажи». Музыкальной гостиной, которую потом Ирэна придумала, создала и превратила в самую читаемую рубрику журнала, тогда ещё, разумеется, не было. Всё было впереди.

Ирэна ответила очень просто и односложно: она прислала номер своего телефона. И я позвонил. На фотографиях в ФБ Ирэна выглядела пожилой маленькой женщиной с головой-одуванчиком — и я, отсчитывая гудки в трубке, ожидал услышать тихий старушечий голосок. Но ответили мне хрипловатым прокуренным

басом, а я ещё не знал, что этот голос станет для меня ежедневной радостью — что с этой секунды начнётся моё знакомство с человеком-легендой.

С первых слов по просьбе Ирэны мы перешли на ты и говорили больше часа. Говорили не только о Гульде, но и о музыке, о стихах, о Леониде Аронзоне и его вдвове Рите; о Бродском и его окружении, в котором Ирэна была своей. О Елене Шварц, о композиторах Кнайфеле, Арзуманове, Банщикове. О великом театральном гении Понизовском. О художнике Михнове-Войтенко. О Хвосте и об Анри Волохонском. Обо всех этих легендарных ленинградцах, создавших культуру, подпитывающую уже третье поколение литераторов, художников, музыкантов.

С этого разговора начался один из самых удивительных эпизодов моей жизни — дружба с Ирэной Орловой.

Всё началось с Баха — с его Гольдберговских вариаций. Всё началось с Гульда.

Женский голос:

Урок. Я увлеченно рассказываю ученице о разных способах играть Баха. На уроке присутствует ее мама, держит на коленях маленького брата. И вдруг я слышу: «Мама! Что такое Гульд?», и ответ: «Не знаю, дорогой, кажется это в переводе с русского значит «волшебство».

Поэт-рассказчик:

Всё началось с волшебства и оставалось чудом больше трёх лет, оборвавшись внезапно, но не закончившись, не прекратившись с уходом Ирэны.

***

Ирэне Орловой

Как хорошо темперирован этот клавир
гор, океана, пустыни, реки, водопада:
склоны полны винограда; овечьего стада
сходит лавина туда, где пристроенный мир
всех бесконечных дорог человечьего стада
кажется тоже включённым в финальный клавир,
но изувеченный вечным движеньем разлада
междоусобного, он поистёрся до дыр.

Каждый умеющий слышать, увидит слова;
всякий умеющий видеть, услышит, насколько
с горечью времени схожи — простая осока,
злой одуванчик, неровного поля трава.

Если решиться сказать, замечаешь: осока —
там, за осокой, всплывают другие слова;
вряд ли, едва ли всё это освоишь с наскока —
музыка любит терпенье, и в этом права.

Музыка пальцами любит, губами, чутьём;
неосторожным дыханьем, неровным движеньем:
так по воде водомеркой бежит отраженье,
преображая дрожащий в траве водоём.
О, как прекрасно её по воде продвиженье!
О, как наполнено самым высоким чутьём!
Звуки взлетают, находят своё положенье
так, будто всё остальное уже ни при чём.

Часть вторая

На вершине холма

Поэт-рассказчик:

Сразу после выступления Гульда в Ленинграде произошёл настоящий взрыв андеграундной культуры. Когда я думаю об этом, когда думаю об оттепели, я невольно различаю для себя Ленинград и Москву. В Москве, как мне это видится, андеграундная культура всё же пыталась стать массовой, стать «официальной» — пыталась выйти из подполья. Кому-то это даже удавалось. В Ленинграде же культурный андеграунд не ставил себе такой цели, оставаясь по самой своей сути андеграундом. Уверен, что москвичи поспорят со мной — спор москвичей и ленинградцев выходит далеко за пределы поребриков и парадных. Но так мне видится это из туманных воспоминаний моего детства, в котором мне посчастливилось чуть-чуть «подглядеть» эту жизнь ленинградского андеграунда.

Ирэна была частью этого процесса, то есть его непосредственным участником.

Женский голос:

Это был настоящий взрыв! Подполье стало «легальным» и, хоть были люди, которых сажали за то, что они читали и распространяли «Доктора Живаго», как, например, Юру Меклера, который сказал следователю: «Автор на свободе, а я сижу?», были обыски, были доносы, — но всё равно это ощущение дозволенности и опасной недозволенности просто пьянило.

Я в это время была ещё очень молодой, школьницей, но дружила с Наташей Рубинштейн (тогда Альтварг), моей кузиной, всего на 5 лет меня старше и была

На выставке художника Евгения Михнова, Ленинград, 1978-й год.
Крайний справа — Е. Михнов, за ним — В. Эрль. В центре — Ирэна Орлова (Ясногородская)

знакома с её окружением — студентами филфака Герценовского института. Они говорили обо всём иначе, не так, как нас учили в школе (хотя и в школе я была бунтарем и диссидентом).

У Наташи я познакомилась с Лёней Аронзоном и Ритой Пуришинской и многими другими, которые просто перевернули моё сознание.

Сразу после окончания школы я познакомилась с Ефимом Славинским и влюбилась в него за то, что он мог читать стихи сутками, не повторяясь. Он читал совсем новых молодых поэтов, привёл меня в ЛИТО к Глебу Семёнову. Там я слушала и сразу запоминала.

Очень скоро появились в моей жизни Бродский, Бобышев, Горбовский, Найман. В моей жизни в том смысле, что я слушала и читала их стихи. Ничего личного. Почти...

Я помню комнату в коммунальной квартире на 6-м этаже Володи Швейгольца, у которого собирались все, кто хоть мало-мальски писал.

Все считали себя гениями. Я была студенткой музыкального училища и не писала ничего, но, единственная среди них, зарабатывала деньги. Так что — я была вне конкуренции.

В это же время я познакомилась с Борисом Понизовским, у которого собирались совсем другие люди. Борис не говорил, он ВЕЩАЛ о театре, о живописи, о поэзии. Кроме того, он делал очень модные туфли, в которых я ходила много лет на зависть всем подругам.

В то же время в Музыкальном училище сформировалась группа молодых композиторов, учеников Г.И. Уствольской, пишущей тогда, в основном, в стол. И они, эти дети, тоже начали писать «в стол», но собирались и играли друг другу. Они писали дерзкую музыку. На выпускном экзамене в консерватории я играла фортепианную сонату Геннадия Банщикова, про которую декан сказал: «За такую музыку надо сажать на 15 суток». Александр Кнайфель написал (и её поставили!) оперу «Кентервильское привидение», все остальное он писал на миллиметровой бумаге не нотами, а значками и, разумеется, «в стол»; Валерий Арзуманов — «Симфонические поэмы в память о Берге».

В то же время появились в моей жизни Анри Волохонский, читавший мне стихи километрами, Леша Хвостенко (Хвост), Лёня Ентин, Алик Альтшулер. Евгений Михнов — художник невероятной силы, немыслимого воздействия, я бы сказала, на все органы чувств. У него в маленькой комнате на Невском (рядом с «Сайгоном», где он расписал стены петухами) я проводила часы. Он был первым абстракционистом, которого я видела живьем.

Поэт-рассказчик:

Ирэна Орлова (в то время Ясногородская) открыла Елене Шварц мир поэзии Леонида Аронзона, которого Елена впоследствии считала величайшим поэтом. В своей лекции «Русская поэзия как hortus clausus: случай Леонида Аронзона» Шварц говорит: «Бродский и Аронзон — это два самых выдающихся поэта, которые родились непосредственно перед Второй мировой войной и являются как бы старшим поколением по сравнению с тем, которое уже я представляю».

Леонид Аронзон, трагически погибший в возрасте 31 года, написал одно из самых удивительных и пронзительных стихотворений в русской поэзии.

Женский голос:

Утро

Каждый легок и мал, кто взошел на вершину холма,

как и легок, и мал он, венчая вершину лесного холма!

Чей там взмах, чья душа или это молитва сама?

Нас в детей обращает вершина лесного холма!

Листья дальних деревьев, как мелкая рыба в сетях,

и вершину холма украшает нагое дитя!
Если это дитя, кто вознес его так высоко?
Детской кровью испачканы стебли песчаных осок.
Собирая цветы, называй их: вот мальва! вот мак!
Это память о рае венчает вершину холма!
Не младенец, но ангел венчает вершину холма,
то не кровь на осоке, а в травах разросшийся мак!
Кто бы ни был, дитя или ангел, холмов этих пленник,
нас вершина холма заставляет упасть на колени,
на вершине холма опускаешься вдруг на колени!
Не дитя там — душа, заключенная в детскую плоть,
не младенец, но знак, знак о том, что здесь рядом
Господь!
Листья дальних деревьев, как мелкая рыба в сетях,
посмотри на вершины: на каждой играет дитя!
Собирая цветы, называй их: вот мальва! вот мак!
Это память о Боге венчает вершину холма!

Поэт-рассказчик:

В одном из телефонных разговоров Ирэна читает это стихотворение Елене Шварц. Елена на тот момент не знакома с творчеством Леонида.

Женский голос:

Как-то в одном из ночных телефонных разговоров, я прочла Лене стихи Аронзона. Она так долго молчала, что я подумала, что она рассердилась и повесила трубку. Поэты ведь не очень любят, когда им читают других поэтов. Но оказалось, что она плакала. Потом сказала: «Почему я ничего не знала об этих стихах? Вся моя жизнь бы пошла по-другому!»

Вскоре я привела её в дом к вдове поэта Рите Пуришинской. Боже, как они полюбили друг друга с первого взгляда! Рита меня спросила, понимаю ли я, что привела к ней гениального поэта. Я понимала.

Запомнилось, как я приехала с Леной на чтения, где сначала читала она, а потом Дима Бобышев. Лена, конечно, была со своей собакой, которая мирно лежала под стулом, пока Лена читала свои стихи, и взвыла, как только читать начал Дима. Дима после этого устроил скандал, сказав, что Лена подговорила собаку сорвать его выступление.

Поэт-рассказчик:

Ирэне посвящали картины, стихи, музыку. Я знаю о нескольких музыкальных произведениях, посвящённых Ирэне, написанных Кнайфелем, Арзумановым, учеником Ирэны Сэмом Постом. Елена Шварц посвятила Ирэне гениальное стихотворение «Танцующий Давид».

Женский голос:

***

Ирэне Ясногородской

Танцующий Давид, и я с тобою вместе!
Я голубем взовьюсь, а ветки, вести
Подпрыгнут сами в клюв,
Не камень — пташка в ярости,
Ведь Он — Творец, Бог дерзости.
Выламывайтесь, руки! Голова
Летай из правой в левую ладонь,
До соли выкипели все слова,
В Престолы превратились все слова,
И гнётся, как змея, огонь.
Трещите, волосы, звените, кости!
Меня в костёр для Бога щепкой бросьте.
Вот зеркало — гранёный океан —
Живые и истлевшие глаза,
Хотя Тебя не видно там,
Но Ты висишь в них, как слеза.
О Господи, позволь
Твою утишить боль.
Нам не бывает больно,
Мучений мы не знаем,
И землю, горы, волны
Зовём, как прежде, — раем.
О Господи, позволь
Твою утишить боль.
Щекочущая кровь, хохочущие кости,
Меня к престолу Божию подбросьте.

Поэт-рассказчик:

В квартире Ирэны в Вашингтоне было много работ художника Евгения Михнова-Войтенко, который сам по себе сейчас уже стал легендой, как и все, с кем общалась тогда Ирэна. С особой гордостью Ирэна показывала мне свой портрет, написанный Евгением. Она рассказывала о том, как играла с Михновым-Войтенко в четыре руки на фортепьяно и даже была его учителем музыки. Её рассказ подтверждается отрывком из воспоминаний поэта Александр Альтшулера, который умер в Иерусалиме за несколько месяцев до моего знакомства с Ирэной. Вот, что он пишет:

Женский голос:

Женя придумал и сделал люстры из литого стекла, отреставрировал диваны, принесенные со свалки. Впоследствии в этих диванах он хранил свои работы. Большая комната служила и мастерской, и выставочным залом, и спальней...

Бывшие жильцы оставили ему ещё и чёрный рояль, на котором он любил играть, иногда в четыре руки с Ирэной Ясногородской.

Поэт-рассказчик:

Большой чёрный рояль стоял и в комнате Ирэны в Вашингтоне. В мой последний приезд к ней мы тоже играли в четыре руки, когда обнаружилось, что одна из клавиш «западает». Ирэна очень расстроилась, узнав об этом — она, как мне кажется, обожала этот рояль и относилось к нему как к живому существу. Даже пошутила, что нужно теперь позвать ветеринара, подразумевая настройщика. Не знаю, успела ли она это сделать: был конец марта, а в начале мая Ирэна умерла.

Ирэна Орлова в Levine School of Music, в которой проработала много лет

Несколько дней назад мне прислали фотографию этого рояля. Ирэна завещала его Levine School of Music, в которой проработала много лет. Там собираются сделать мемориальную комнату, посвящённую Ирэне. В этой комнате теперь и будет жить Ирэнин рояль.

Часть третья

Авиатор, ошибка Толстого и домашняя мышь

Поэт-рассказчик:

Мы говорили с Ирэной об этом удивительном времени часами. Она рассказывала и как бы возвращалась в этот мир, в это время, в этот город, который она покинула в 1978 году, чтобы никогда не возвратиться. Город, который она любила до последних дней своей жизни.

Есть прекрасный документальный фильм 1973 года «Трамвай идёт по городу» (режиссёр Людмила Станукинас). В этом фильме звучит музыка ближайших друзей Ирэны: Валерия Арзуманова и Александра Кнайфеля. Валерий и Ирэна были мужем и женой, но расстались. Валерий уехал во Францию и стал учеником великого французского композитора Оливье Мессиана.

В этом удивительном мире Ленинградского андеграунда жил и человек, ставший потом символом всего поколения, его лицом — Иосиф Бродский. Ирэна общалась с Бродким и в Ленинграде, и после отъезда (разговаривала с ним по телефону несколько раз, в том числе и в день, когда Бродский получил Нобелевскую премию, как и нагадала ему по руке Ирэна в самом начале его творческого пути).

Но тогда акценты были расставлены иначе, чем это кажется нам сейчас. И Ирэна до конца своих дней считала Аронзона более интересным поэтом, чем Бродский. Два молодых поэта дружили какое-то время, но потом их пути разошлись. Вот, что вспоминает брат Леонида Аронзона — Виталий Аронзон.

Женский голос:

Короткий период взаимного увлечения Лёни и Иосифа Бродского, чтение и записывание на магнитофон стихов, наговариваемых ими по очереди, совместное участие в молодёжном литобъединении Союза писателей — затем разрыв навсегда. Попыток восстановить отношения не было. На суд над Бродским Лёня не ходил, так как в это время проходил другой суд над его другом, талантливым писателем Володей Швейгольцем.

Поэт-рассказчик:

В конце 70-х Ирэна уехала в Израиль и, продолжая преподавать музыку, занималась музыкальной терапией в психиатрической лечебнице.

Ирэна рассказывала мне удивительные вещи. Например, про то, как люди, полностью замкнувшиеся в себе и годами не вступающие в контакт с другими людьми, раскрывались, услышав музыку своего детства. Они начинали говорить!

Или про то, как она лечила боязнь высоты, заставляя пациента бесконечно слушать индийскую рагу. Рага — бесконтрольна, говорила Ирэна. Слушатель не может контролировать её — она развивается сама по себе. Как и высота. Если научиться слушать рагу, привыкнуть к ней, взять её под контроль, то и высота подчиняется человеку, перестаёт его пугать.

Вся моя последняя книга стихов связана с Ирэной. Там три части: «Авиатор», «Араукария» и «Арка», — и все три написаны по следам наших разговоров с Ирэной о жизни, о смерти, о судьбе — и, конечно, о музыке. Ирэна в шутку говорила, что я должен обозначить её как соавтора. Я смеялся: нет, так это не работает. А сейчас понимаю, что работает — и работает именно так: человек живёт не в пустоте, а в окружении других людей — и именно эти люди, особенно самые яркие из них, вольно или невольно становятся соавторами нашей жизни и всего, что мы делаем в ней.

Одно из стихотворений «Авиатора» Ирэна особенно любила и ценила. Я перечитываю его сейчас и вижу, сколько много здесь Ирэниного. Как оно сплетено с моим, сплавлено. И это сплетение, этот сплав невозможно уже нарушить. И смерть бессильна перед ними. И, забрав Ирэну с собой, смерть всё равно проиграла, ведь Ирэна будет продолжать жить и в этих моих строчках, и в строчках других поэтов, которым посчастливилось её знать, и в картинах художников, друживших с ней, и в звуках музыки её учеников — везде, повсюду, всегда.

Это поражение смерти, а значит, торжество жизни, — и есть бессмертие.

***

Подари мне небо, когда подойдёт мой день —
с облаками, нелепо надвинутыми набекрень
на вершины холмов
(наподобие моцартовского парика).
Пусть будут только вершины в небе — и облака.
Долго шёл я вдоль берега
пока не понял, что берега нет.
Видел прожилки листьев,
заметные лишь напросвет;
слышал звуки жизни в траве
и рокот огромных вод;
летал высоко,
но не мог понять покорителей всяких высот.

Мне открылось такое, что вряд ли доступно всем:
голоса ушедших, небесный курсив
и смычок в росе;
страх посмотреть вперёд —
боязнь обернуться назад;
и блаженство видеть то,
что видно, только закрыв глаза.
Я потратил время на всякую ерунду,
но у жизни нет перемотки и кнопки undo —
и теперь растраченный каждый бесценный миг
невозможно вернуть или выдать за черновик.
Подари мне небо, когда подойдёт мой час:
всё приходит в тонику — это всего лишь часть,
где парик снимает Моцарт
и Чарли бросает трость,
и забыв про шлем с разбитым стеклом,
можно в небо войти, как гвоздь.
Хорошо, когда есть салфетка, бокал шабли,
на террасе музыка, десять ступенек в сад —
но закат последний будет вот-вот разлит,
наступает время снова лететь назад.
И устало скажешь жестом простым: домой —
подразумевая небо над головой.

Мне трудно сказать, что Ирэна считала своим домом. Я знаю, что она родилась вдалеке от Ленинграда, в эвакуации. Её родители говорили в доме по-польски — ведь они оба родились в Польше и бежали в СССР в самом начале Второй мировой войны. Отец Ирэны — уникальный человек. Он был адвокатом в трёх странах (Польше, СССР и Израиле) и защищал подсудимых на трёх языках. Про маму Ирэна рассказывала добрые смешные истории — как мама иногда смешно и неправильно произносила русские фразы и слова, и однажды на каком-то большом светском советском банкете, перепутав, сказала про кого-то очень грубое русское слово, полагая, что оно означает совсем иное.

Что было домом для Ирэны? Воспоминания родителей о Польше? Далёкий город, где она родилась в эвакуации? Ленинград, где прошла её юность? Иерусалим, где она жила много лет? Вашингтон, где она была счастлива? Это трудно сказать. Я никогда не спрашивал её об этом, и теперь мы вряд ли это узнаем.

Игорь Курас, Ирэна Орлова, Александр Амчиславский.
Бостон, книжный магазин Books & Arts, март 2018

Но она любила мои стихи за их «бездомность». Мы говорили с ней об этом. За это же она любила стихи Александра Амчиславского. Она называла нас с Сашей «мои мальчики» и это было правдой. Саша посвятил Ирэне тонкое и очень личное стихотворение, и Ирэна была счастлива и горда этим.

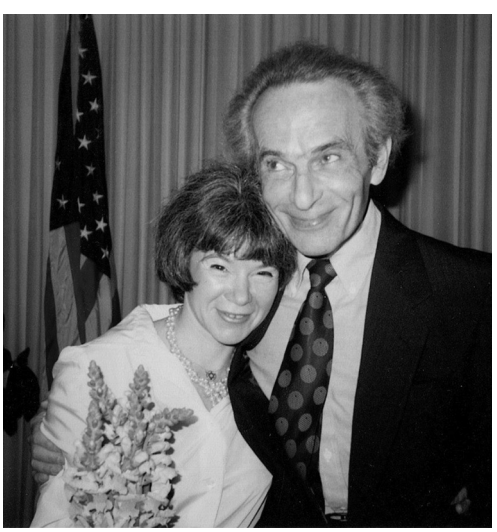
Женский голос:

И. О.

Рассказывай мне, девочка, про всё,
развязывай, руби узлы мирские,
так ветрено легки и так близки мы,
что, видно, наше яблоко рассёк
случайный дух и походя объел
до сердцевины обе половинки,
и мы с тобой на крохотной тропинке
столкнулись, поздние, от дел устав и тел,
уже всё можно, благо, не томит
ни жар ушедший, ни грядущий холод,
наш голод друг по другу чист и долог,

дымится поле к вечеру, а мы
с лесной опушки смотрим на закат,
на это, к счастью, пройденное поле,
как трудно выйти из родной неволи
и с муками к свободе привыкать,
когда невосполнимы голоса,
и клавиш разнополые полоски
родные воскрешают отголоски
и чем-то мокрым водят по глазам,
рассказывай, пускай звучат шаги
от слова к делу и от дела к слову,
как ты гуляла по небу земному
и вечно выходила за флажки,
я был бы там — и тоже посягнул
на переходе отзвука в безмолвье
шагнуть к тебе и на летящем слове
поймал и не оставил бы одну.

Поэт-рассказчик:



Ирэна Орлова и Генрих Орлов в день свадьбы, Вашингтон

В Израиле Ирэна познакомилась с музыковедом, автором фундаментальных работ о Шостаковиче Генрихом Орловым. Точнее, они были знакомы ещё в «старые времена», когда Ирэна была студенткой Ленинградской консерватории, а Генрих был преподавателем. Но, насколько я понял из рассказов Ирэны, она его знала, а он её не знал. В любом случае, они познакомились и стали жить вместе.

Это был исключительно счастливый брак, перечёркивающий определение Льва Николаевича Толстого о том, что «все счастливые семьи похожи друг на друга». Эта счастливая семья была по-особому счастлива. Ирэна часто рассказывала об этом периоде своей жизни, о переезде в Вашингтон, о работе Генри-

ха на «Голосе Америки», о тех выдающихся людях, которые бывали у них дома — в их прокуренной насквозь вашингтонской квартире, заваленной книгами, картинами, нотами. Квартире, где пахло забытым ленинградским уютом моего детства.

В последний раз, когда я был в этой квартире, приблизительно за месяц до смерти Ирэны, она занималась с учеником, а я сидел за столом и слушал.

Краем глаза я увидел на кухне мышь! Она нагло сидела посередине кухни и намывалась, как делал бы в такой ситуации домашний кот. Потом лениво ушла куда-то под шкаф. После урока я осторожно спросил Ирэну, боится ли она мышей — я решал, сказать ли ей о том, что у неё в квартире живёт непрошеная гостья. Ирэна сказала, что не боится, но не стала бы жить там, где есть мыши — всё-таки неприятно. Я решил не говорить ей — а то и правда Ирэне станет негде жить. Я подумал, что вряд ли это первое появление мышки в Ирэниной квартире. И раз Ирэна не заметила её до сих пор, то, может, и не заметит. Зачем же её тогда пугать. И в этом эпизоде, в сущности, вся Ирэна. Она как бы жила в другом мире. Она видела многое, что не видели другие люди, живущие рядом с ней, но какие-то вещи просто не замечала. И, возможно, это наиболее правильный способ жизни.

Впрочем, она часто говорила мне, что слышит звуки в своей квартире. Она утверждала, что это Генрих посылает ей знаки. Она очень любила его. В письме из больницы — за неделю до смерти — она с какой-то даже гордостью написала мне, что лежит в той же палате, в которой умер Генрих.

Она и сама умерла в ней.

Потом мне пояснили, что Ирэна ошиблась. Что палата Генриха была на другом этаже. Но Ирэна была уверена, что это та же палата, и я думаю, что ей было легче от этого.

Ирэна много путешествовала. Даже за те три года, которые мы с ней общались, она умудрилась побывать в Германии, Испании, Литве, Канаде.

Помню наши разговоры по телефону, когда я звонил Ирэне в Испанию. Она сидела в каком-то кафе на берегу моря и, часто используя слово дарлинг (она любила это слово и произносила его красивым басом нараспев), разговаривая со мной, иногда царственно обращалась по-испански к официантам. В этом было что-то очень голливудское: немного неестественное, но очень милое, доброе. Для меня Ирэна именно такой и была: немного эпатажной, окружившей себя мифами и людьми, которые сами по себе были интереснее мифов, — но милой и доброй — естественной, настоящей. Такой она и была.

А Ирэна действительно окружала себя мифами. Её рассказы иногда казались почти на грани выдумки — но ведь, в любом случае, проверить правдивость её историй не было никакой возможности. В литературе существует понятие «ненадёжный рассказчик». Тут нет ничего обидного — это просто такой литературный приём, когда мы не знаем, можно ли верить рассказчику, но всё равно наслаждаемся его рассказом. Так было и с Ирэной.

В последние три года жизни Ирэна была редактором музыкальной гостиной журнала «Этажи». Она с огромным энтузиазмом взялась за эту работу и сделала интервью со многими музыкантами: Лукой Дебаргом, Леонидом Десятниковым, Валерием Арзумановым, Андреем Борейко, Сантьяго Родригесом, с Луганским, Маслеевым, с Полиной Осетинской. Великолепные интервью, которые читали тысячи и тысячи человек.

Она сделала журналу царский подарок: сняла для нас роскошный особняк на Дюпон Центре в Вашингтоне и помогла организовать в нём презентацию журнала.

Ирина Терра, Ирэна Орлова, Игорь Курас.
На презентации журнала «Этажи» в Вашингтоне, февраль 2016

Тогда же — после нескольких месяцев телефонных разговоров и переписки — я впервые увидел Ирэну.

Она ждала нас на улице: беловолосая, с яркими искрящимися глазами. Хорошо помню этот момент: маленькая озорная девочка, которой, как мне кажется, на самом деле всю жизнь и была Ирэна, ждала нас у входа. Мы поднялись наверх. Ирэна сварила пельмени каким-то странным особым способом: она бросила их в холодную воду и довела до кипения. Я на всякий случай сказал, что не голоден, а Ирина Терра съела целую тарелку и вполне благополучно выжила. Возможно, это не такой уж и неправильный рецепт приготовления пельменей.

Потом была ещё одна встреча в Вашингтоне, две встречи в Бостоне и одна в Нью-Йорке, где Ирэна была с нами на презентации журнала «Этажи». Всего пять коротких встреч, долгие часы увлекательнейших телефонных разговоров и сотни строчек переписки.

Перед презентацией журнала в Нью-Йорке произошло печальное событие, о котором мало кто знает. Ирэна, выходя из поезда, упала и ударилась грудью. Она говорила мне, что именно после этого падения стала ощущать боли в сердце. Я не знаю, связано ли это с падением — или сердечный клапан сам по себе начал давать сбои, но всё время теперь думаю, что было бы, если бы не это падение — может быть, всё было бы иначе? Знаю, что Ирэна не любила такие «если бы», веря в то, что всё происходит в жизни с определённым значением, но не могу заставить себя не думать об этом.

У Ирэны были большие планы. Она хотела взять интервью у Ольги Петровой, у Евгения Кисина, у Трифонова. На концерт Кисина у неё даже были билеты. Концерт состоялся после её смерти и, наверное, где-то там, в зале было пустое место, на котором должна была быть Ирэна.

Это пустое место я ощущаю повсюду. Мир действительно оказался наполненным пустыми местами после её ухода.

И к этому придётся долго привыкать.

Ирэна в Бостонском аэропорту. «Наступает время снова лететь назад». 2017

Мы часто цитируем строчку Антуана де Сент-Экзюпери о том, что мы в ответе за тех, кого приручаем. Фраза стала настолько затёртой, что потеряла свой смысл. Так, к сожалению, часто бывает со словами — к ним, как и к роялю, нужно относиться очень трепетно. Но всё же, мы и правда в ответе. И за тех, кого приручаем сами — и за тех, кто приручил нас. Сиротство можно ощутить как блаженство, но чаще всего оно мучительно. Мучительно именно внезапным исчезновением человека, которого мы приручили или который приручил нас. Когда человека нет, остаётся пустота, которую хочется чем-то заполнить. Но пустота настолько огромна, что сама мысль о её заполнении кажется кощунственной. Словами Бориса Гребенщикова «Ты чувствуешь сквозняк оттого, что это место свободно» можно охарактеризовать это ощущение.

Часть четвёртая

Пепел Помпеи

Поэт-рассказчик:

На одном из уроков Ирэны, на котором я присутствовал, Ирэна сказала своему десятилетнему ученику, играющему сонату Бетховена, что ему трудно это исполнять, потому что он ничего не знает о смерти, а Бетховен знал. Ученик довольно дерзко, но веско парировал: «А ты знаешь о смерти? Ты ведь тоже ничего о ней не знаешь. Ты знаешь о потере, связанной со смертью, но о самой смерти не знает ни один человек. И Бетховен не знал».

Ирэне явно понравился этот ответ. Она загадочно улыбнулась, посмотрела на меня, как бы спрашивая «Ну что тут ответишь?»

«Да. Ты прав. Никто из живущих не знает о смерти. И Бетховен тоже не знал. Но тут о смерти — о том, как мы её понимаем. О том, как её понимал и чувствовал Бетховен. Ты уже задаёшься этим вопросом и этот вопрос будет с тобой неразрешённым всю твою жизнь — как и у любого другого думающего человека. Сыграй это. Сыграй этот вопрос нотами бетховенской сонаты». И ученик начал играть сильнее и глубже — значительно сильнее и глубже.

Вопрос смерти возникал часто. За эти три года общения, у Ирэны ушло много близких друзей. Ушёл Леонид Ентин, ушёл Волохонский, ушёл Александр Альтшуллер, ушла горячо любимая Ирэной Ксения Старосельская (ушла при удивительно схожих обстоятельствах — после неудачной плановой операции на сердце).

Смерть друзей, близких — неизбежная реальность, боль каждого, живущего на Земле человека. Ирэна узнала эту боль рано и умела с ней жить, как с данностью.

Ирэна была «специальной». Она умела делать чудеса.

Однажды, когда Ирина Терра улетала из Бостона в Москву через Нью-Йорк, её рейс в Нью-Йорк задержали на три часа и она не успевала на самолёт в Москву. Мы узнали, что есть другой рейс, на который можно срочно перебить билеты, но для этого нужно получить обратно чемодан, сданный в багаж. Это оказалось непросто. Клерки авиакомпании звонили куда-то по телефону, пытались что-то сделать, но время шло. Я позвонил Ирэне, и, зная о её способностях, попросил как-то помочь. Ирэна сказала, что давно этим не занимается, но для нас сделает. Не успел я оторваться от телефона, как в углу комнаты совершенно непонятным образом появился чемодан Ирины. Настолько неожиданно для нас всех, включая работников авиакомпании, что в маленькой комнатке воцарила полная тишина и никто не решался подойти к непостижимо появившемуся тут багажу. До сих пор я не знаю, что произошло в тот день в аэропорту Логан.

Ирэна, похоже, совсем этому не удивилась. Она рассказывала, как в молодости была известна своим гаданием по руке, гадала всему городу, но перестала, предсказав Аронзону его трагическую смерть.

Последний наш телефонный разговор был в пятницу. А умерла Ирэна во вторник. В пятницу никто из врачей даже не подозревал, что её жизнь в смертельной опасности. Шло долгое и трудное, но восстановление после операции. Врачи обсуждали возможность выписки в реабилитационный центр. Ирэна сказала по телефону: «Приезжай, я умираю», и я не поверил. Я стал её убеждать, что она не умирает. Что я приеду навестить её в следующие выходные. Она согласилась, но сказала, что в следующие выходные я приеду на похороны. Так и вышло. А ещё она призналась мне в любви. Сказала, что очень меня любит. И я ответил ей взаимностью. После этого последнего нашего разговора, Ирэна, шутя, сказала Регине Гоголь, ухаживающей за ней в больнице все две недели с первого до последнего дня: «Ну все, теперь Курас должен на мне жениться». И в этом была вся Ирэна, у которой трагическое и комическое всегда шли рядом, как в симфониях Малера, которого она боготворила.

Таня Лоскутова называла её пикселькой, и это очень меткое и остроумное прозвище. Ирэна и была пикселькой — маленькой шаловливой девочкой, которая не захотела быть взрослой или старой — и никогда не состарилась.

А её детское прозвище было ёжик. Когда ей было совсем плохо (а ей бывало очень плохо, хотя она признавалась в этом только очень близким людям), это прозвище помогало, как помогала старикам, впавшим в беспамятство, музыка их детства, когда Ирэна играла её для них.

Последним постом в ФБ, сделанным Ирэной, был перепост моего стихотворения «Пепел Помпеи». Ирэна написала мне, что оно оказалось пророческим. Но я не понял, о чём она. Теперь понимаю.

* * *

Пепел Помпеи, моя дорогая, пепел Помпеи.
Время умеет сделать камнем живое. Время умеет.
Вот и рассвет поднимается вроде бы, но каменеет:
только светает ещё, а уже темнеет.
Что тебе мифы ушедших народов — и возвращённых народов свитки?
Что ты пытаешься сделать, моя дорогая, сломавшись при первой попытке?
Все непутёвы твои путевые заметки, бесцветны цветные открытки —
ткани твоих покрывал опостылели так, что простыли до нитки.
Что же ты сможешь понять обо мне по обрывкам моих многоточий?
по неразборчивым фразам соседей, по выдумкам взбалмошных дочек?

по фотографиям глупым (та лучше, а эта — не очень)?
по очертаниям каждой бессонной прожорливой ночи?
Пепел Помпеи, моя дорогая, пепел Помпеи.
Снова пустеют глаза Галатеи, снова пустеют.
Голос ещё раздаётся, но он, отзвучав, онемеет.
Время сумеет сделать камнем живое. Время сумеет.

Это было не единственное стихотворение, которое Ирэна читала в больнице. Александр Амчиславский написал стихотворение Cum Deo — с Богом. Написал его в апреле — перед самой операцией Ирэны.

Ирэна очень высоко оценила это стихотворение. Просила, чтобы его читали ей в больнице и шутливо ругала Сашу за то, что из-за его стихотворения не могла спать всю ночь.

Это стихотворение тоже оказалось пророческим.

Женский голос:

* * *

Дотягиваю слова, медлю расстаться,
воздух ещё не остыл, звенит комариной бравадой,
задорно качает такие прощальные стансы,
что весело вдруг и прощаться уже глуповато.
То музы бранятся, родная, то тешатся пушки,
а мы между ними — в окопе, на форуме, в келье,
свободная воля, ничья, комариная пустошь,
последней надеждой колышется воздух нательный,
по памяти греет, ну разве что губ избегает,
кружит по лопаткам, дурачится, дышит в подмышки,
мешает работать, верёвкой с морковкой стегает
и по носу щёлкает именем, ласковым бывшим.
А ты улыбаешься, глядя куда-то над нами,
все сборы закончены, что тебе, милая, снится ?
Скажи мне, полны ли водой облака в Ханаане,
блаженны ли овцы, густы ли там рощи, тенисты ?
Вот так и стоим мы, родная, на узких подмостках,
прижатые к небу, почти отпросившись у тела,
любите ж друг друга! — заходится старенький воздух,
а ты повторяешь: cum Deo, любимый, cum Deo.

Эпилог

Поэт-рассказчик:

Похоронные дома Америки называют панихиду «Праздником жизни». Этот лукавый эвфемизм не лишён мудрости.

Вспоминая человека, его жизнь — провожая его в вечность, мы празднуем эту жизнь. Впрочем, мы празднуем не только жизнь умершего, не только жизнь того, с кем мы прощаемся, но и жизни всех, кто был рядом с ним — всех, кто уже ушёл от нас — или ещё остался с нами.

Ирэна ушла от нас, но осталась с нами: в наших воспоминаниях, в наших стихах, в музыке, которую ей посвятили, в картинах, которые написаны ей. В её учениках, в её друзьях, в письмах и интервью, в сердцах и знаках. Жизнь опять победила. Смерть снова проиграла. И в этом, я думаю, и есть разгадка: человек смертен и бессилен перед смертью, но смерть бессильна перед памятью живых и перед теми монументами, которые нам удаётся воздвигнуть своей жизнью. У каждого это получается по-своему. У кого-то лучше, у кого-то хуже, у кого-то совсем никак. У Ирэны получилось так, как редко получается. И мне радостно это осознавать.

На прощании с Ирэной звучали фортепиано и виолончель.

Играли Баха. Всё вернулось в тонику, в самое начало — с того, с чего и началось.

Знает ли человек, что он умер? Знает ли он, что мы вспоминаем его? Что остаётся от человека после его смерти? Какие сны ему снятся? Эти гамлетовские вопросы не имеют ответа. Владимир Гандельсман, стихи которого Ирэна очень ценила, как-то в одном из писем написал мне, что «человек может ответить на своё существование, на призыв его из небытия, только изумлением и слезами». Изумление и слёзы — это то, что дано нам для осознания собственного существования. Кто-то прячет изумление и слёзы. Кто-то не скрывает их. Ирэна изумлялась каждый день, и это изумление — как наивысшая степень осознания жизни — светилось в ней внутренним светом, который озарял и обжигал всех, кому повезло быть рядом с ней. Пусть недолго. Пусть всего три года: пусть только в коротких встречах и длинных беседах.

Игорь Джерри Курас — поэт и прозаик, редактор поэзии в литературно-художественном журнале «Этажи». Родился в Ленинграде, с 1993 года живёт и работает в Бостоне. Автор пяти поэтических сборников «Камни/Обертки», «Загадка природы», «Не бойся ничего», «Ключ от небоскрёба», «Арка», книги сказок для взрослых «Сказки Штопмана» и книги для детей «Этот страшный интернет».